

Рефлективы в коми спонтанной речи

Н. И. Гуляева

*Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН,
г. Сыктывкар, Российская Федерация,
guljaevan@rambler.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В коми спонтанной речи функционирует большое количество рефлективов, которые до настоящего времени не описаны в теоретическом плане. Данная работа посвящена анализу возникновения этих конструкций, определению их основных функций в процессе речепроизводства.

Цель: выявить и охарактеризовать прагматемы-рефлективы, встречающиеся в коми спонтанной речи, описать специфику их функционирования.

Материалы исследования: расшифровки спонтанной коми речи из комязычных передач на телевидении, вышедших в эфир в 2021–2025 гг. и записей устной речи, представляющие собой бытовые спонтанные разговоры носителей языка в привычных для них обстоятельствах.

Результаты и научная новизна. В статье впервые подробно проанализированы рефлективы, встречающиеся в коми спонтанной речи, описывается специфика их функционирования, выделены три наиболее употребительные конструкции: *(или) кыдз сійӧ шусьӧ* ‘или как это называется (или как он там называется)’, *кыдз шуасны* ‘как говорится (букв.: как скажут)’, *сідз шуам* ‘так скажем’. Анализ эмпирического материала показал, что описываемые речевые конструкции возникают в процессе порождения речи как реакция коммуниканта на осуществлённый им поиск, своего рода оценка соответствия подобранной номинации его исходному замыслу. Установлено, что адресант использует данные речевые единицы в следующих случаях: неуверенности в достоверности вербализуемой им информации; отстранения от того, что уже сказал или только собирается произнести; снятия с себя ответственности за точность сказанного.

Ключевые слова: коми язык, спонтанная речь, коммуникант, прагматикализация, прагматемы, рефлективы

Благодарности: публикация подготовлена в рамках плановой темы НИР «Пермские языки как исторически сложившаяся и динамически развивающаяся система» (FUUU-2026-0001).

Для цитирования: Гуляева Н. И. Рефлективы в коми спонтанной речи // Вестник угроведения. 2026. Т. 16. № 1 (64). С. 36–41.

Reflexives in Komi spontaneous speech

N. I. Gulyaeva

*Institute of Language, Literature and History,
Komi Scientific Center of the Ural Branch,
Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar, Russian Federation,
guljaevan@rambler.ru*

ABSTRACT

Introduction: a large number of reflexives function in Komi spontaneous speech, which have not been described in theoretical terms up to the present time and require a comprehensive consideration. This work is devoted to the analysis of the emergence of these constructions, the definition and description of their main functions in the process of speech production.

Objective: to identify and describe pragmatemes-reflexives occurring in Komi spontaneous speech.

Research materials: spontaneous Komi speech from Komi-language television and radio programs aired in 2016–2025, transcripts of recordings of real oral speech, representing everyday spontaneous conversations of native speakers in their usual circumstances.

Results and novelty of the research: the article for the first time analyzes in detail the reflexives found in Komi spontaneous speech, describes the specifics of their functioning. Analysis of empirical material showed that the described speech constructions arise in the process of speech production as a reaction of the communicant to the search he has carried out, a kind of assessment of the correspondence of the selected nomination to his original intention.

It has been established that the addresser uses these speech units in the following cases: uncertainty in the reliability of the information he verbalizes; distancing himself from what he has already said or is just about to say; removing himself responsibility for the accuracy of what he has said.

Key words: Komi language, spontaneous speech, communicant, pragmaticalization, pragmatemes, reflexives

Acknowledgments: the publication was prepared as part of the implementation of the state task of the Federal Research Center of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, the state registration number of the project is FUUU-2026-0001 “Permian languages as a historically formed and dynamically developing system”.

For citation: Gulyaeva N. I. Reflexives in Komi spontaneous speech // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2026; 16 (1/64): 36–41.

Введение

В настоящее время можно наблюдать всё более растущий интерес исследователей к проблемам устной коммуникации. Необходимость изучения спонтанной речи подчёркивается многими отечественными [1; 7; 21] и зарубежными учёными [22; 24; 27]. В коми языкознании в последние годы также уделяется всё больше внимания проблемам спонтанной речи и специфике употребления различных речевых конструкций. В предыдущих работах нами проанализированы хезитационные явления, вербальные хезитативы с функцией поиска и метакоммуникативные маркеры в устной коми речи [8; 9; 10]. В трудах Г. А. Некрасовой были рассмотрены самоисpravления и дискурсивные слова, встречающиеся в спонтанной речи носителей коми языка [15; 16; 17].

Предметом анализа данной статьи являются рефлексивы и особенности их употребления в процессе порождения речи. Необходимо отметить, что в контексте нашего исследования данные единицы, вслед за Н. В. Богдановой-Бегларян, рассматриваются в качестве одного из видов прагматических маркеров (прагматем), встречающихся в коми спонтанной речи [2].

В лингвистике прагматические маркеры (прагматемы) определяются как единицы устной речи, практически утратившие своё исходное лексическое значение и получившие прагматическое вследствие процесса прагматикализации [12; 14; 19; 23]. Исследователи определяют данный процесс как явление, при котором определённые грамматические формы и отдельные лексемы, функционируя в непосредственной речи, переходят на коммуникативно-прагматический уровень языка, становясь сугубо прагматическими единицами, выражающими различные реакции говорящего на окружающую действительность и имеющими форму самостоятельных высказываний [2; 11; 25; 26].

Как справедливо отмечает Н. В. Богданова-Бегларян, прагматические маркеры (прагматемы) представляют собой не отдельные лексемы, а целые конструкции, которые могут иметь несколько вариантов употребления [2, 10], и при этом они полифункциональны и автономны (не имеют синтаксических связей с остальными компонентами). По мнению М. А. Кормилициной, многие рефлексивы отражают раздумья автора над точностью и адекватностью номинаций, используемых для обозначения положения дел [13]. И. Т. Вепрева пишет, что «вербализация

в рефлексиве поиска и обсуждения точного слова позволяет говорить о речевом напряжении, возникающем при корреляции структурно-системной организации лексики и многомерного устройства внутреннего лексикона говорящего» [6, 199]. К. М. Шилихина отмечает, что рефлексивы функционируют в роли индикатора субъективной оценки адресантом собственной речевой деятельности [20]. Н. В. Богданова-Бегларян указывает, что говорящий непроизвольно, рефлексивно, реагирует на только что сказанное или на то, что хочет произнести, и тем самым действительно осуществляет некоторое «метаязыковое комментирование» [3, 13].

Актуальность настоящего исследования заключается в том, что спонтанная речь в данное время остаётся наименее изученной в коми лингвистике, практически отсутствуют теоретические описания функционирующих в ней вербальных конструкций. Рефлексивы не исключение. Также немаловажным является определение оснований, предрасполагающих их возникновение в процессе производства речи.

Материалы и методы

Материалом настоящего исследования послужили расшифровки записей, собранных автором из комиязычных телепередач, показанных на канале «Юрган» с 2021 по 2025 гг., а также личных записей живой речи носителей языка в различных обстоятельствах. Всего проанализировано около 180 текстов. Переводы авторские.

Основными методами при анализе языкового материала выступили следующие: описательный, лингвистического наблюдения и интроспекции, логико-семантической интерпретации, функционально-прагматического анализа.

Результаты

Как было указано ранее, в фокусе нашего исследования находится один из видов прагматем – рефлексивы, которые часто встречаются в спонтанной речи коми. Данные конструкции выражают реакцию коммуниканта на собственное речевое поведение (на произведённый хезитационный поиск) и оценивают валидность найденной конструкции по отношению к своей интенции, при этом сигнализируют о затруднениях говорящего при выборе нужной языковой конструкции. Наиболее распространёнными в коми спонтанной речи являются конструкции (*или*) *кыдз сійӧ шусьӧ* ‘или как это называется (или как

он там называется), *кыдз шуасны* ‘как говорится (букв.: как скажут)’, *сідз шуам* ‘так скажем’. Рассмотрим ситуации их употребления подробнее.

Рефлексив (*или*) *кыдз сійō шусьō* ‘или как это называется’ возникает в речи коммуниканта как своего рода рефлекс на только что произведённый им самим гезитативный поиск. Обычно он употребляется после найденной единицы, в постпозиции. Адресант, будучи неуверенным в правильности высказанной им номинации, уклоняется от ответственности за сказанное и посредством вышеприведённых конструкций в какой-то степени дистанцируется от него:

Ме тōрыт ветлі <...> этійō <...> «Хозмирō» <...> или кыдз сія шусьō <...> йōзыс зев уна вōлі (публичная речь) ‘Я вчера сходила <...> это <...> в «Хозмир» <...> или как он там называется <...> народу было очень много’.

Колян недельнас ме флешкаōс воиті <...> зев дона вōлі <...> толькō на ньōблі <...> «Мирекс» <...> или кыдз сійō шусьō (публичная речь) ‘На прошлой неделе я флешку потеряла <...> очень дорогая была <...> только недавно покупала <...> «Мирекс» <...> или как он там называется’.

Несколько в меньшей степени распространена конструкция (*или*) *кыдз сійō* ‘или как это’, которая представляет собой усечённый, редуцированный вариант рассмотренной конструкции:

Тōда <...> мый налōн <...> этійō <э-э-э> <...> школа блогеров <...> или кыдз сійō <...> нуōдісны (телеканал «Юрган», передача «Вочакыв» от 04.04.2024) ‘Знаю <...> что у них <...> это <э-э-э> <...> школу блогеров <...> или как это <...> проводили’.

Тōрыт помалі пуктысьнысō <...> кушман кōдзи <...> ещō таво <...> этійō <...> дайкон <...> или кыдз сійō <...> кōдзи (публичная речь) ‘Вчера завершила посадку овощей <...> редьку посеяла <...> ещё в этом году <...> это <...> дайкон <...> или как это <...> посеяла’.

Как показывают примеры, говорящий, подобрав слово, переспрашивает себя (рефлексирует), верно ли он его употребил.

Обычно поиск коммуникантом производится в ситуации диалога, поэтому при возникновении затруднений он может обращаться с вопросом и к самому себе, и к собеседнику. В некоторых случаях собеседник помогает построить коммуникацию, предлагая искомую номинацию:

– *Кута сэні выльысь велōдчыны <...> медым <...> <а-а-а> <...> <м-м-м> <...> позис кодōскō <...> <м-м-м> <...> петны соціальнōй*

предпринимательство вылō <...> <м-м-м> <...> с особенностями здоровья <...> <м-м-м> <...> позис кодōскō велōдны <...> или кыдз сія шусьō <...>

– *Сибōдны...*

– *Да <...> медым сійō пукаліс да вōчаліс* (телеканал «Юрган», передача «Вочакыв» от 14.05.2024) ‘Буду там снова учиться <...> чтобы <...> <а-а-а> <...> <м-м-м> можно было кого-нибудь <...> <м-м-м> <...> выйти на социальное предпринимательство <...> <м-м-м> <...> с особенностями здоровья <...> <м-м-м> <...> можно было кого-нибудь обучать <...> или как это называется – Принять – Да <...> чтобы он сидел и делал’.

Во многих случаях рефлексивы употребляются тогда, когда говорящий испытывает трудности при подборе подходящей номинации, снимает с себя ответственность за её точность и сообщает об этом визави, при этом анализируемые конструкции находятся в постпозиции, несколько реже – в препозиции по отношению к найденным единицам. Чаще всего это конструкция *кыдз шуасны* ‘как говорится (букв.: как скажут)’:

Кокньōдіс сійō <...> мый оні мян <...> кыдз шуасны <...> ставыс уджалōны компьютерь-сын (телеканал «Юрган», передача «Ми тані олам» от 03.04.2025) ‘Облегчило то <...> сейчас у нас <...> все работают на компьютерах’.

Эм гостеприимнōй войтырьяс <...> шуам <...> сійō жō грузиньяс <...> кыдз шуасны <...> ещō кодъяскō <...> да <...> легенда <...> кыдз шуасны (телеканал «Юрган», передача «Вочакыв» от 23.09.2021) ‘Есть гостеприимные народы <...> скажем <...> те же грузины <...> как говорится <...> ещё кто-то <...> да <...> легенда <...> как говорится’.

Но мянлы <э-э-э> <...> кыдз шуасны <...> мойвиис <...> везитіс <...> мый ми шыōдчим гимназия искусств веськōдлысьяс дорō <...> медым эськō найō мянлы сетісны позянлун <...> снимайтны тайō роликьяссō (телеканал «Юрган», передача «Вочакыв» от 21.05.2024) ‘Но нам <э-э-э> <...> как говорится <...> посчастливилось <...> повезло <...> что мы обратились к руководителям гимназии искусств <...> чтобы они нам предоставили возможность <...> снимать эти ролики’.

Посредством конструкции *сідз шуам* ‘так скажем’ адресант выражает своё сомнение, неуверенность в достоверности (правильности) вербализуемой информации. Н. В. Богданова-

Бегларян считает, что используя данную конструкцию, коммуникант «оценивает как удачность произведённого поиска, так и степень нетривиальности найденного выражения» [4, 15]. Как отмечает В. И. Подлесская [18, 619–631], подобные конструкции (или нечёткая номинация в целом) дают возможность известить адресата о том, что адресант не берёт на себя ответственность за достоверность сказанного и предоставляет слушающему возможность помочь в восстановлении исходного смысла, используя целый комплекс сигналов разного уровня, предупреждающих адресата об этой ситуации, что обычно случается при возникновении трудностей в процессе подбора точной номинации либо уклонения от точной номинации в силу тех или иных прагматических причин. Например:

Но сійō зеркалōясьс <...> сідз шуам <...> петкōдлōны, мый детинаьслы ньлыс быд пельōсьсьс кажитчō (телеканал «Юрган», передача «Вочакыв» от 26.01.2023) ‘Но эти зеркала <...> так скажем <...> показывают, что парню повсюду мерещится девушка’.

Сэсья уже нин <...> галаконцерт вылас вежисны еще <...> сідзсō вōлі <...> сідз шуам <...> в стиле 70-х годов <...> спокойнōй вальс кодь. А òні нин суйисны оркестр (телеканал «Юрган», передача «Вочакыв» от 26.01.2023) ‘Потом уже <...> на галаконцерте ещё раз поменяли <...> раньше было <...> так скажем <...> в стиле 70-х годов <...> как спокойный вальс. А сейчас уже ввели оркестр’.

Корпус сійō <...> <э-э-э> <...> <м-м-м> <...> сідз шуам <...> цифруйтōма сернас (телеканал «Юрган», передача «Ми тані олам» от 03.04.2025) ‘Корпус это <...> <э-э-э> <...> <м-м-м> <...> так скажем <...> оцифрованный образ’.

По справедливому замечанию Н. В. Богдановой-Бегларян, рефлексив в препозиции по отношению к тому слову / выражению, которое коммуникант только ещё собирается произнести, даёт предварительную оценку этой единицы, подготавливая слушателя к её восприятию: это рефлексия на ещё не высказанное, но мысленно уже сформулированное или даже начатое, он сигнализирует о том, что следующее выражение в значительной степени эвфемистично. Без рефлексива эта эвфемистичность не была бы эксплицирована и, соответственно, гарантированно воспринята слушающим [5, 17].

Обсуждение и заключение

Рефлексивы достаточно распространены в речи спонтанной речи и существенно влияют на эффективность коммуникации. Дискурсивный анализ данных конструкций показал, что их возникновение в спонтанной речи обусловлено реакцией коммуниканта на поиск подходящего слова во время оценивания соответствия найденной номинации его изначальному замыслу.

Нередко говорящий использует эти речевые единицы, чтобы дистанцироваться от сказанного или ещё только планируемого высказывания, сняв с себя ответственность за точность формулировок, выражая неуверенность в достоверности информации, вследствие чего данные конструкции способствуют реализации нечёткой или приблизительной номинации.

Часто рефлексивы появляются в речи, когда коммуникант по определённым причинам сознательно избегает точных формулировок, сигнализируя о некоторой эвфемистичности произнесённых выражений.

В речи спонтанной речи рефлексивы могут быть употреблены в пре- и постпозиции по отношению к искомой речевой единице.

Список источников и литературы

1. Александрова О. А. Речекоммуникативный статус паузы колебания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2004. 24 с.
2. Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 3 (27). С. 7–20.
3. Богданова-Бегларян Н. В. Вербальные гезитативы русской устной речи: реализация поисковой функции и «рефлекс поиска» // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века: матер. II Междунар. конф. Краков: Jagiellonian University Press, 2015. С. 345–354.
4. Богданова-Бегларян Н. В. Рефлексив в системе дискурсивных единиц русской устной речи // Мир русского слова. 2015. № 3. С. 11–17.
5. Богданова-Бегларян Н. В. «Нетривиальное» в повседневной устной коммуникации: опыт систематизации // Коммуникативные исследования. 2017. № 4 (14). С. 9–30. DOI 10.25513/2413-6182.2017.4.9-30.
6. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 380 с.
7. Горбунова Д. А. Прагматические маркеры русской устной речи: корреляция с психотипом говорящего: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2021. 145 с.

8. Гуляева Н. И. Хезитационные явления в спонтанной коми речи // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 3 (54). С. 416–424.
9. Гуляева Н. И. Вербальные хезитативы с функцией поиска в коми спонтанной речи // Вестник угроведения. 2024. Т. 14. № 4 (59). С. 638–645.
10. Гуляева Н. И. Метакоммуникативные маркеры в коми спонтанной речи // Пермистика 20: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сборник статей. Ижевск: Шелест, 2025. С. 82–87.
11. Зайдес К. Д. Прагматические маркеры предикативного типа в устной спонтанной речи: подходы к описанию // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6. № 2. С. 375–396.
12. Каюмова А. Р. Особенности лексикографического описания прагматем в двуязычных словарях-разговорниках // Вестник Волгоградского государственного университета. 2023. Т. 22. № 4. С. 116–131.
13. Кормилицына М. А. Рефлективы в речевой коммуникации // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2000. С. 20–25.
14. Лю Э. Функционирование метатекстовых операторов с компонентами «говорить» и «сказать» в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2022. 25 с.
15. Некрасова Г. А. Самоисправления в спонтанной речи носителей коми языка // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 3 (54). С. 452–460.
16. Некрасова Г. А. Местоимение мыйкӧ ‘что-то’ как дискурсивный маркер в коми языке // *Linguistica Uralica*. 2024. № 3. С. 215–228. DOI: 10.3176/lu.2024.3.03.
17. Некрасова Г. А. Дискурсивное слово *тайми* в спонтанной коми речи // Вестник угроведения. 2025. Т. 15. № 1 (60). С. 59–67.
18. Подлеская В. И. Нечёткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: матер. ежегодной Междунар. конф. «Диалог». М.: РГГУ, 2013. Вып. 12 (19). Т. 1. С. 619–631.
19. Сунь С., Богданова-Бегларян Н. В. Особенности употребления прагматического маркера это самое в спонтанной монологической речи // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3 (50). С. 636–640.
20. Шилихина К. М. Дискурсивное маркирование нетривиального лексического выбора // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: матер. ежегодной Междунар. конф. «Диалог». М.: РГГУ, 2013. Вып. 12. Т. 1. С. 625–631.
21. Яковлева Э. Б. Феномен речевых хезитаций. М.: ИНИОН РАН, Центр гуманитарных научно-информационных исследований, 2021. 215 с.
22. Aijmer K. Pragmatic Markers in Spoken Interlanguage // *Nordic Journal of English Studies*. 2004. Vol. 3. № 1. Pp. 173–190.
23. Fraser B. Pragmatic Markers // *Journal of Pragmatics*. 1996. № 6 (2). Pp. 167–190.
24. Fraser B. What are discourse markers? // *Journal of Pragmatics*. 1999. Vol. 31. № 7. Pp. 931–952.
25. Graf E. Interjektionen im Russischen als interactive Einheiten. Frankfurt am Main: Peter Lang Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2011. 328 p.
26. Günther S., Mutz K. Grammaticalization vs. Pragmaticalisation? The development of pragmatic markers in German and Italian // *What Makes Grammaticalisation? A Look from its Fringes and its Components*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2004. Pp. 77–107.
27. Lenk U. Marking Discourse Coherence: Functions of Discourse Markers in Spoken English. Tuebingen: Narr, 1998. 235 p.

References

1. Aleksandrova O. A. *Rechekommunikativnyy status pauzy kolebaniya* [Speech communication pause status hesitation]. Velikiy Novgorod, 2004. 24 p. (In Russian)
2. Bogdanova-Beglarjan N. V. *Pragmatemy v ustnoj povsednevnoj rechi: opredelenie ponjatija i obshhaja tipologija* [Pragmatic units in oral everyday speech: definition of concepts and general typology]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija* [Bulletin of the Perm University. Russian and Foreign Philology], 2014, no. 3 (27), pp. 7–20. (In Russian)
3. Bogdanova-Beglarjan N. V. *Verbal'nye khezitativy russkoj ustnoj rechi: realizatsiya poiskovoy funktsii i "reflex poiska"* [Verbal hesitations of Russian oral speech: implementation of the search function and the "search reflex"]. *Jazyk i metod: Russkij jazyk v lingvisticheskikh issledovaniyakh XXI veka: materialy II Mezhdunarodnoj konferencii* [Language and method: Russian language in linguistic studies of the XXI century: proceedings of the II International conference]. Krakov: Jagiellonian University Publ., 2015. Pp. 345–354. (In Russian)
4. Bogdanova-Beglarjan N. V. *Refleksiv v sisteme diskursivnykh edinic russkoj ustnoj rechi* [Reflexive in the system of discursive units of Russian oral speech]. *Mir russkogo slova* [World of the Russian Word], 2015, no. 3, pp. 11–17. (In Russian)
5. Bogdanova-Beglarjan N. V. *"Netrivial'noe" v povsednevnoj ustnoj kommunikacii: opyt sistematizacii* ["Non-trivial" in everyday oral communication: experience of systematization]. *Kommunikativnye issledovanija* [Communicative Research], 2017, no. 4 (14), pp. 9–30. DOI 10.25513/2413-6182.2017.4.9-30. (In Russian)
6. Vepreva I. T. *Jazykovaja refleksija v postsovetSKUju jepohu* [Linguistic reflection in the post-Soviet era]. Yekaterinburg: Ural. un-t Publ., 2002. 380 p. (In Russian)
7. Gorbunova D. A. *Pragmaticheskie markery russkoj ustnoj rechi: korreljacija s psihotipom govornjashhego* [Pragmatic markers of Russian oral speech: correlation with speaker's psychotype]. Saint-Petersburg, 2021. 145 p. (In Russian)
8. Gulyaeva N. I. *Hezitationnye javlenija v spontannoju komi rechi* [Hesitation phenomena in spontaneous Komi speech]. *Vestnik ugrovedenija* [Bulletin of Ugri Studies], 2023, no. 13 (3/54), pp. 416–424. (In Russian)
9. Gulyaeva N. I. *Verbal'nye hezitativy s funkcieju poiska v komi spontannoju rechi* [Verbal hesitations with a search function in Komi spontaneous speech]. *Vestnik ugrovedenija* [Bulletin of Ugri Studies], 2024, no. 14 (4/59), pp. 638–645. (In Russian)
10. Gulyaeva N. I. *Metakommunikativnye markery v komi spontannoju rechi* [Metacommunicative markers in Komi spontaneous speech]. *Permistika 20: Dialekty i istorija permskih jazykov vo vzaimodejstvii s drugimi jazykami: sbornik statej* [Permistics 20: Dialects and history of Permian languages in interaction with other languages: collection of articles]. Izhevsk: Schelest Publ., 2025. Pp. 82–87. (In Russian)
11. Zaydes K. D. *Pragmaticheskie markery predikativnogo tipa v ustnoj spontannoju rechi: podhody k opisaniju* [Pragmatic markers of the predicative type in oral spontaneous speech: approaches to description]. *Kommunikativnye issledovanija* [Communicative Research], 2019, no. 6 (2), pp. 375–396. (In Russian)

12. Kayumova A. R. *Osobennosti leksikograficheskogo opisaniya pragmatem v dvujazychnyh slovarjah-razgovornikah* [Features of lexicographic description of pragmatics in bilingual phrasebook dictionaries]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State University], 2023, no. 22 (4), pp. 116–131. (In Russian)
13. Kormilitsyna M. A. *Refleksivy v rechevoj kommunikacii* [Reflexives in speech communication]. *Problemy rechevoj kommunikacii* [Problems of speech communication]. Saratov: Sarat. un-t Publ., 2000. Pp. 20–25. (In Russian)
14. Lju Je. *Funkcionirovanie metatekstovykh operatorov s komponentami “govorja” i “skazat’” v sovremennom russkom jazyke* [Functioning of metatext operators with the components “speaking” and “say” in the modern Russian]. Vladivostok, 2022. 25 p. (In Russian)
15. Nekrasova G. A. *Samoispravlenija v spontannoj rechi nositelej komi jazyka* [Self-corrections in the spontaneous speech of native speakers of the Komi language]. *Vestnik ugrovedenija* [Bulletin of Ugric Studies], 2023, no. 13 (3/54), pp. 452–460. (In Russian)
16. Nekrasova G. *Mestoimenie myjkö ‘chto-to’ kak diskursivnyj marker v komi yazyke* [The pronoun *myjkö* ‘something’ as a discursive marker in the Komi language]. *Linguistica Uralica* [Linguistica Uralica], 2024, no. 3, pp. 215–228. DOI: 10.3176/lu.2024.3.03. (In Russian)
17. Nekrasova G. A. *Diskursivnoe slovo tajmi v spontannoj komi rechi* [The discursive word of time in spontaneous Komi speech]. *Vestnik ugrovedenija* [Bulletin of Ugric Studies], 2025, no. 15 (1/60), pp. 59–67. (In Russian)
18. Podlesskaya V. I. *Nechetkaya nominatsiya v russkoy razgovornoj rechi: opyt korpusnogo issledovaniya* [Vague nomination in Russian colloquial speech: experience of corpus research]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational Linguistics and Intelligent Technologies]. Moscow: RGGU Publ., 2013. Vyp. 12 (19), vol. 1. Pp. 619–631. (In Russian)
19. Sun S., Bogdanova-Beglaryan N. V. *Osobennosti upotrebleniya pragmaticheskogo markera jeto samoe v spontannoj monologicheskoy rechi* [Features of the use of the pragmatic marker *whatsit* in spontaneous monologue speech]. *Kognitivnye issledovaniya jazyka* [Cognitive language research], 2022, no. 3 (50), pp. 636–640. (In Russian)
20. Shilikhina K. M. *Diskursivnoe markirovanie netrivial'nogo leksicheskogo vybora* [Discursive marking of non-trivial lexical choice]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational Linguistics and Intelligent Technologies]. Moscow: RGGU Publ., 2013. Vyp. 12 (19), vol. 1. Pp. 698–707. (In Russian)
21. Yakovleva E. B. *Fenomen rechevykh khezitatsiy* [Phenomenon of speech hesitations]. Moscow: INION RAN, Tsentr gumanitarnykh nauchno-informatsionnykh issledovaniy Publ., 2021. 215 p. (In Russian)
22. Aijmer K. Pragmatic Markers in Spoken Interlanguage. *Nordic Journal of English Studies*, 2004, no. 3 (1), pp. 173–190. (In English)
23. Fraser B. Pragmatic Markers. *Journal of Pragmatics*, 1996, no. 6 (2), pp. 167–190. (In English)
24. Fraser B. What are discourse markers? *Journal of Pragmatics*, 1999, no. 31 (7), pp. 931–952. (In English)
25. Graf E. *Interjektionen im Russischen als interactive Einheiten*. Frankfurt am Main: Peter Lang Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2011. 328 p. (In English)
26. Günther S., Mutz K. Grammaticalization vs. Pragmaticalisation? The development of pragmatic markers in German and Italian. *What Makes Grammaticalisation? A Look from its Fringes and its Components*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2004. Pp. 77–107. (In English)
27. Lenk U. *Marking Discourse Coherence: Functions of Discourse Markers in Spoken English*. Tuebingen: Narr, 1998. 235 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гуляева Наталья Ивановна, старший научный сотрудник сектора литературоведения, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Коми Республика, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, каб. 619), кандидат филологических наук.

guljaevan@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0003-0800-8296

ABOUT THE AUTHOR

Gulyaeva Natalya Ivanovna, Senior Researcher, Sector of Literary Criticism, Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (167982, Russian Federation, Komi Republic, Syktvykar, Communisticheskaya St., 26, office 619), Candidate of Philological Sciences.

guljaevan@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0003-0800-8296